

Волонтеры проекта записали воспоминания блокадницы Александры Ивановны Заостровцевой.

Я окончила курс Лесотехнической Академии, и несколько товарищей предложили поехать куда-нибудь за город. Но тут подошел еще кто-то — и говорит: «Война!».

Мы, конечно, никуда не поехали, а отправились в райком комсомола, где наш руководитель сказал: «Мальчики, все — в кабинет военкомата!» Нам же, девушкам, требовалось срочно найти работу, приносящую максимальную пользу стране в период войны.

Мне было двадцать два года. Я узнала о лесопильном заводе на Охте.

Меня приняли сразу, оформили, показали цех и дали работу — сколачивать ящички. Я не могла выполнить поставленную норму, так как молоток до этого почти не держала в руках.

Однажды дали задание провести провод к каждому станку. Со мной работали мальчишки-ремесленники, одному было двенадцать лет, другому — десять. Они мне помогали. Представляете, работали все, даже дети.

Проработали мы недолго. Молодежь начали отправлять рыть окопы. Отправили и меня. Там нас кормили чечевичной кашей и чаем. На окопах я не расставалась с лопатой. Из-за каждодневной тяжелой работы у меня на руках появились волдыри.

В октябре нас послали разгружать железнодорожные вагоны с углем. Было очень холодно. Там я сильно простудилась, и мне пришлось уволиться с Охтинского завода.

После увольнения я стала жить с братом и его женой. С продуктами было трудно: основной рацион — немного картошки. Однажды я прихожу со смены, разогреваю воду в кастрюле, чтобы сварить пару картофе-

лин на ужин — а картошки в доме нет. Вдруг из комнаты доносится голос брата: «Сестренка, прости, я не утерпел». Вы могли подумать, что это он съел картошку, — но на самом деле он отдал всю еду беременной жене.

В один из вечеров его жена решила попить чаю. Вскипятив чайник, она упала и вылила на себя кипятком! Мы вызвали скорую помощь, но ее так и не довели до больницы. И она умерла, и ребенка спасти не удалось.

Я осталась вдвоем с братом. Позже он попал в больницу из-за дистрофии. В нашей квартире никого не осталось, и я собралась уезжать на эвакуационном поезде в Свердловск.

Пришла в больницу попрощаться с братом. Помню, он мне принес молоко в маленькой стопочке, маленький кусочек масла на кусочке черного хлеба. Вы знаете, меня до сих пор трогает то, что он отдал мне свой больничный паек на прощание...

Прибыли на Ладожское озеро ночью. Нас там уже ждали. Мы сели в грузовик, а сверху нас одеялами закрыли, потому что на озере было очень холодно.

Переправившись, мы сели на поезд. Получили карточки, по которым могли питаться на станциях, где останавливался поезд. Поезд очень редко делал остановки, и в дороге мне приходилось обменивать свои вещи на крупу. Переезд я перенесла очень тяжело — и физически, и эмоционально. Голод валил с ног...

Помню, как мы проезжали мимо Сталинграда (Волгоград). Это был такой прекрасный город. А когда мы возвращались из эвакуации, видели, что от города практически ничего не осталось.

Конечно, были и хорошие, запомнившиеся моменты. В Свердловском общежитии один мальчик играл на гармошке. Он исполнял красивую танцевальную музыку. Мы все собирались на кухне и слушали ее. На одном из таких вечеров я познакомилась с парнем, помню, он не хотел, чтобы я уезжала обратно в Ленинград. Но я все же уехала домой.

В поезде мы снова голодали. Один мальчик съел за один присест слишком много хлеба и умер.

В дороге я переписывалась с сестрой. Он прислала мне в конверте чайную ложечку сахарного песка! Как дошло это письмо, не знаю. Чайная ложка сахара! Тогда это было настоящее чудо. Сахара мы не видели давно.

В Ленинград нас привезли весной 1945 года. Тогда-то я и потеряла брата. Он закончил перед войной Институт Радио, был инженером, и погиб совершенно случайно. Рабочие ставили мачту, для антенны, чтоб выше была. Он выбежал из комнаты на площадку, и комлем этой мачты ему ногу сломало. Его отвезли в больницу, и он умер на следующий день

после операции. Ему был тридцать один год, он пережил блокаду, почти дожил до конца войны...

Я часто вспоминаю о блокадном голоде. По карточке хлеб получали... Бывало и такое: я прихожу в столовую, и у меня в карточке вырезают 10 г крупы, а дают суп — одни верхние зеленые листья от капусты... Без дополнительной помощи от родных я бы не выжила.

Иногда перед глазами встают ужасные картины тех лет. Однажды, когда обстреливали Литейный мост, я увидела погибших, лежавших на снегу: вперемешку оторванные ноги, руки, головы... Я никогда никому об этом не рассказывала, потому что боялась сразу заплакать.

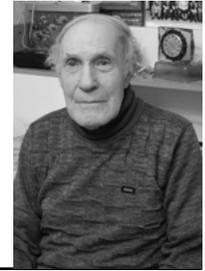
О победе я узнала в Ленинграде. Была дома одна, слушала радио — и услышала счастливую новость!

После войны мы с моим вернувшимся отцом, как могли, помогали восстанавливать наш город: сажали деревья, выравнивали дорожки... Но это была лишь капля в море, крупица того, что людям предстояло сделать для Ленинграда и всей нашей страны после такой жестокой, разрушительной войны.

Ксения Шаповалова

В поисках радости

В обычном четырехэтажном доме в провинциальном городке есть удивительная квартира: там находятся настоящий камин, люстра-аквариум, картины, старинные книги и множество светильников всех цветов радуги.

Если вам повезет попасть туда, вы обязательно подружитесь с Леонидом Семеновичем Бабиковым, хозяином этого дома.

Леониду Семеновичу, ветерану ВОВ, инженеру и философу, исполнилось девяносто пять лет, и он просто поражает активностью и жизнерадостностью. Мне было интересно услышать и записать его историю.

Родился 22 июня 1923 года в селе Новопоселенное Каракулинского района. Хорошо учился, после восьмого класса поступил в Казанский техникум связи. Окончив первый курс, на пароходе «Совнарком» 5 мая 1941 года отправился в свой первый рейс до Перми. На обратном пути в Нижнем Новгороде он должен был отпраздновать совершеннолетие...

Кто же мог знать, что этот день — 22 июня — станет трагедией для целой страны?

Леониду Семеновичу пришлось пережить не четыре, а целых шесть лет войны: с Германией, затем с Японией. Демобилизовали ветерана лишь в 1947 году.

С самых первых дней войны команда парохода, на котором он служил, ходила в рейсы Москва-Молотов и Москва-Астрахань, эвакуируя людей и оборудование. Когда замерзли реки, Леонид Семенович научился устанавливать мины-ловушки и стал минером. К 1942 году он освоил специальность радиомастера и стал работать радистом по ремонту радиостанций II Краснознаменной Дальневосточной армии.

Несколько раз, казалось бы, сама судьба уведила юношу от смерти.